

Роковым днем для немцев Поволжья стало 28 августа 1941 года. В этот день Президиум Верховного Совета СССР издал по указанию Сталина секретный указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в другие края и области. Указ содержал прямое обвинение немцев Поволжья в пособничестве агрессору, поэтому всё без исключения немецкое население СССР, проживавшее западнее Урала, подверглось депортации. В этот водоворот страшных событий попала и шестнадцатилетняя Женя Штраух.

Евгения Александровна Штраух родилась 21 января 1925 года в г. Саратове.
– Мои родители, Александр Петрович и Мария Ивановна 1905 года рождения, жили в любви и согласии. Я - единственная любимая дочь в семье. Папа работал кладовщиком на заводе тракторных деталей, мама при заводской больнице. Здесь же при заводе мы занимали крошечную комнатку. Я училась в 41 – й средней школе г. Саратова. Тяжело давался русский язык, имела «удовлетворительную» отметку, а по всем остальным предметам «4» и «5». Когда появились в России немцы: Диц, Штраух Евгения не знает, возможно, со времен Екатерины II, а может при Петре I. Евгения Александровна говорит, что испокон веков их род проживал в России. Её дедушка, Штраух Петр, будучи уже в возрасте, работал кучером при этом же заводе. Богатства никакого не было, жили скромно.
– Летом 1938 года мы с мамой отправились на базар за продуктами. День был жаркий. На базаре было людно, нам пришлось долго стоять в очередях, я лакомилась мороженым, а мама настолько устала от летнего зноя, что ей уже ничего не хотелось. Мы с трудом добрались до дома. Упав в изнеможении, она выпила холодного молока, а к вечеру у неё поднялась температура. Когда мама обратилась в больницу, было уже поздно. Диагноз – туберкулез. 21 января Жене исполнилось 14 лет, а 29 – го она потеряла свою любимую мамочку. Безысходное горе навалилось на хрупкие плечи девочки.

...Через полгода отец привел в дом Александру Сергеевну Волкову. Нужно сказать, что мачеха изо всех сил старалась наладить отношения с падчерицей, старалась смягчить её душевную боль, и ей со временем это удалось. Возвращаясь с работы, она всегда ей приносила гостинец, заботилась, как о родной дочери. Боль душевная улеглась, Женя поняла, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

- 1941 год... в первых числах сентября в скотских вагонах поезд мчал нас на восток, в суровую Сибирь. Вагоны были переполнены, благо, нам место досталось напротив двери, иначе, задохнулись бы от вони и духоты. Вещей было немного, но взяли все самое хорошее. Высадили нас на станции Ояш, п. Антоновка Новосибирской области. Дедушка, Петр Штраух ехал в поезде с нами, но куда его высадили, что с ним было дальше, неизвестно.

- Еще в дороге мы познакомилась с молодой семьей, у них был полуторагодовалый сын Костя. Они были образованные люди, специалисты по гидромелиорации. Их взяли в колхоз в бухгалтерию, а я нянчила их мальчика. Отец мой до Нового года работал в колхозе. А 27 января 1942 года его забрали в трудармию, на строительство железной дороги Абагур –Тайшет. Суровые климатические условия, непосильный труд, голод вели к высокой смертности. Уже через некоторое время Александр Петрович обессилел, перестал выполнять наряд – задание, а нормы питания в трудармии устанавливались по нормам ГУЛАГа. За невыполнение труднормы пайка хлеба урезалась.

- И вот, как – то в феврале женщины мне говорят: «Женя, беги домой, отец твой вернулся». Я побежала. По улице, тяжело опираясь на костыли, с трудом передвигая ноги, шел худой, весь обмороженный человек, в котором я с трудом узнала своего отца. Слезы горя, отчаяния душили меня. С трудом мы дошли до моей комнатки. Мне пришлось обменивать свои платья на молоко и другие продукты для него. Через два месяца он уже мог ходить с палочкой. А в мае его вновь забрали. Это были последние наши дни, прощаясь, мы понимали, что больше не увидимся никогда...

Женя осталась одна. Теперь она тоже работала в колхозе. От отца еще приходило письмо, он сообщил, что его вторая жена прислала деньги на продукты, но их украли в зоне, что болел цингой и просил прислать чеснок и лук. Женя помочь отцу уже ничем не могла. Из вещей остался один отцовский добротный костюм, но он просил хранить его до самого «черного дня», да и чеснок в Сибири весной достать не было никакой возможности. Новые брюки отца она весной обменяла на картошку и посадила огород. Появилась надежда, что вторую зиму ей будет легче выжить. Картошка буйно цвела, когда их в июле посадили на баржу и отправили вниз по Оби. С собой только ручная кладь. Окрики конвоиров, плач детей, растерянные лица и обреченность в глазах людей, молча выполнявших приказы конвоиров.

- Народу на баржах и в трюмах было так много, что даже переставить ногу или пошевелить ею не было возможности. Люди терпели до последнего, не сходили со своего места, чтобы не потерять его. Все держались семьями, с родственниками, а я одна – одинешенька...

- Тех, кто в пути умирал, чаще всего выбрасывали за борт, не предавая тело земле. Мне было так страшно, - вспоминает со слезами на глазах Евгения Александровна. В пути председатели колхозов набирали себе работников (как рабов выбирали сильных, крепких). И только в Каргаске председатель колхоза из Киндала взял меня и еще трех девушек на покос. Расселили по людям. Самое трудное, оказалось, пережить моральное угнетение, дискриминацию по отношению к немцам «фашистам». Власти и не пытались объяснить местному населению, что советские немцы не несут ответственности за развязанную Гитлером войну. Это усиливало неприязнь к депортированным не только коренных жителей, но и тех, кто совсем недавно сами были спецпереселенцами.

- Нас вообще за людей не считали, унижали, обзывали фашистами. Но сам председатель колхоза был, казалось нам, добр по отношению к нам. Он в некоторой степени позаботился о питании, предложил рабочую одежду.

-Когда закончился покос, приехал из Каргаска вербовщик из «Торгплодоовощи» набирать рабочую силу. Нужно было тесать клепку. Завербовал нас всех. Мы валили кедрчак, пилили чурочки поперечной пилой или «лучком», потом чурочки раскалывали. Нам платили небольшие деньги. В Старом Киндале был организован Промкомбинат по пошиву одежды, обуви (шили чирки), был пимокатный цех.

- Нас определили заготавливать дрова для мастерских. Лес пилили двуручной пилой, обрубали сучья, а вывозили на быках. Бык – упрямое животное, погрузив дрова на сани, мы «упрашивали» быка тронуться с места, но безуспешно, нам приходилось подтаскивать бревна к быку, мы тянули быка, а он сани. 16- тилетние девчонки, мы не имели понятия, как заставить работать это животное. Теперь не могу себе представить, как нам удавалось выполнять план, а

он был жестким, особенно по отношению к так называемому «новому контингенту», к нам «фашистам». Один день лес валили, на другой пилили и кололи дрова на две мастерские.

- За своим пайком хлеба я ходила сама и всегда просила продавца дать мне «горбушечку» хлеба и никогда не могла донести его до дома, по крошечке, по крошечке съедала его по дороге. В Киндале я жила с Зоей Карле (она работала бухгалтером в промкомбинате). В выходной день мы ходили в лес за красноталом, а после работы вечерами плели корзины и сдавали их за хлеб. За одну корзину давали 400 г хлеба. Это был дополнительный паек. У Зои был сынишка трех лет, пока мать на работе, мальчик находился дома один и ждал, когда вечером его накормит мать. Увидев хлеб, мальчик закрывал его руками, целовал его и кричал: «Это мой хлеб, мой». Мы с трудом успокаивали его, но потом он «щедро делился» с нами этим хлебом. До сих пор перед глазами эта картина, повторявшаяся изо дня в день. У Зои муж был в трудармии, как оказалось вместе с моим отцом, мы подружились. Сама Зоя русская, поэтому ходатайствовала о своем возвращении в Поволжье. Но ей предложили отказаться от мужа и развестись с ним. Когда она попросила у мужа развод, он повесился. Зоя простить себе этого не могла. С Зоей мы жили у местного рыбака на квартире. Сам дядя Герасим был человек добрый, но его жена всегда досаждала нам. Повесим на ночь на шесток одежду просушить, она обязательно сбросит её на пол, утром нам приходится одевать мокрую. А одежда – то была: штаны из мешковины, худая поддевка и чирки, которые уже расплзлись окончательно. Мы сами заготавливали им дрова, носили воду с реки, убирались в доме, но хозяйку это не устраивало, и она выменивала у нас последнюю одежду за картошку. Так мне пришлось обменять последнюю память о маме – сережки с хризолитом. У меня была еще перина, и вот хозяйская дочь все время у меня её выпрашивала, а я ей отказывала. «Ну, ничего, - говорила она, - все равно будешь сдыхать с голоду, никуда ни денешься, отдашь». Герасим, бывая дома, после ужина говорил: «Налей девчонкам ухи». Она выловит всю гущу, отдаст собакам, а нам плеснет юшки, но мы и этому были рады, хотя от обиды ком в горле стоял, но хотелось выжить...

- Вскоре по вербовке я попала в Вертикосский леспромхоз, вспоминает Евгения Александровна. Здесь вышла замуж за Неймана Александра Карловича.

Родился он 16 мая 1926 года. Бабушка Саши жила в прислугах у богатых. Мария, мать Саши вышла замуж за Неймана Карла и родила ему двух сыновей. Но однажды Карл сказал Марии: «Я полюбил другую женщину, не обижайся на меня. Если хочешь, отдай мне сыновей». Так распалась семья. Карл работал на маслозаводе мастером, новая семья жила в достатке, а Мария, работая техничкой, жила впроголодь. Тогда она попросила мужа забрать сыновей к себе, Саше в ту пору было 7 лет, а Ване три годика. Вскоре они переехали в Среднюю Азию. Но отец отпускал иногда сыновей летом гостить к матери. Бабушка переехала в другой город и вышла замуж. Мария жила в людях, но потом они взяли её к себе. Когда Саша подрос, он поступил в ремесленное училище в городе, где жила мама. Ванечка тоже все время просил маму забрать его к себе, но жить было негде. И дедушка пообещал, что на следующий год он тоже останется у них. Но, наступил роковой 1941 год...

Саша с мамой и бабушкой оказались в Сибири. Саше еще не было 15 лет, поэтому в трудармию он не попал. С ним Женя оказалась на одной барже, вместе были в Каргаске и в Киндале. Куда отправляли работать девушку, там оказывался и подросток. Естественно сначала возникла дружба, взаимопомощь, а потом пришла любовь.

- В Вертикосе мы жили в бараке. Здесь жила и их семья. Мама Саши работала техничкой в пекарне, бабушка жила в няньках у Егора Аркадьевича (он работал продавцом в магазине), дедушка просил милостыню, работать он уже не мог.

- Я была совершенно одна, может быть, поэтому меня все жалели, всегда помогали. Бывало, приду с работы, хлеба уже нет, варить вечером нечего. Мария Нейман видит, что я сегодня не показываюсь у плиты, принесет мне чашечку супа, картошки, заставит съесть.

А в 1946 – м Женя с Сашей поженились. Нельзя сказать, что с этого момента жизнь наладилась, просто теперь Женя обрела семью, за спиной была защита и опора – муж. Хотя, как можно защитить молодую беременную жену от произвола коменданта. На лесоповале наряд - задание. Лес под валку депортированным немцам выделяли чапыжник, да и норма выработки у них была выше, хоть как старайся, не выполнишь. А вечером в конторе вывешивалась «Молния», сводка о выполнении работ на лесозаготовках, и их, немцев всегда «продергивали» за невыполнение нормы, наказывали пайком. Беременную Женю перевели на «легкий труд». К возвращению рабочих из леса, нужно было натаскать в бараки воды с реки, а это подъем на берег, наколоть дрова, натопить печи. К вечеру от усталости Женя валилась с ног, но пожаловаться некому. Один за другим народились дети. В 1948 году их перевели в Нюрольский лесоучасток – Мыльджино. После открепления от комендатуры жить стало легче. Теперь Евгения Александровна работала бухгалтером, продавцом в магазине, Александр в лесу. Все репрессированные со временем обучились у коренных народов приемам рыболовства, охоты. Каждый уважающий себя мужчина весной добывал рыбу, мясо, ездили утятничать. Вот и Александр Карлович увлекся рыбалкой и охотой. В поселке всегда с нетерпением ожидали весну, нужно починить сети и невод, просмолить лодку и проверить обласок. Каждый день утром в обед и вечером мужики с нетерпением выходили к реке, ожидая ледоход. Ничто не предвещало беды, как обычно Александр уехал на рыбалку 29 апреля 1967 года и не вернулся...

Евгения осталась одна. Дети были уже взрослые, правда, не все еще жили самостоятельно. Работа, огород, хозяйство, крутилась как белка в колесе. Евгения Александровна всегда в поселке пользовалась уважением односельчан. За трудовые успехи неоднократно награждалась почетными грамотами, денежными премиями. У её детей хранятся правительственные награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда». В 2005 году ей исполнилось 80 лет, а в 2010 –м она ушла из жизни.